

Чу Сяннань медленно открыл сухие глаза. Перед ним предстал бледно-абрикосовый полог кровати, а рядом доносились прерывистые всхлипывания юноши. Он был немного ошеломлён, долго смотрел на полог, прежде чем с трудом повернул голову к краю кровати. Увиденное его ошеломило.

Чан Гэ?

Разве Чан Гэ не был... убит тем человеком?

Шорох волос о мягкую подушку заставил Чан Гэ, стоявшего у кровати, прекратить плакать. Увидев, что Чу Сяннань, пролежавший без сознания два дня и ночь, наконец очнулся, он, казалось, ещё больше взволновался. Потирая опухшие, как персиковые косточки, глаза, он всхлипнул:

— Чу Сяннань, ты наконец проснулся! Если бы ты умер, я бы даже став духом не простил тебя!

Чу Сяннань нахмурился, совершенно не понимая. Он чувствовал лишь пульсирующую боль в висках, а голова словно была разбита твёрдым предметом — ноющая и острая. Ему пришлось снова закрыть глаза.

— Где я...

— Дома. Два дня назад тебя лично доставил домой сын семьи Гуань, — с дрожью в голосе ответил Чан Гэ. — Он сказал, что ты попал к злодеям в плен, но он тебя спас. Когда тебя привезли, у тебя на голове была огромная шишка, всё тело промокло насквозь, ты был холодный, как лёд. Знала бы я, пошла бы с тобой, тогда с тобой этого бы не случилось.

Чу Сяннань всё ещё был в замешательстве. Слушая слова Чан Гэ, он, казалось, что-то вспомнил и осторожно спросил:

— А где мои родители?

Чан Гэ разрыдался, яростно кусая губы, не в силах выдавить ни слова.

Сердце Чу Сяннаня камнем упало вниз, погрузившись в ледяную пустоту. Ему даже не нужно было ждать ответа Чан Гэ, чтобы понять, в какой ситуации он оказался.

Это время было самым мучительным и незабываемым в его жизни.

Семья Чу не считалась знатной и богатой, но жила в достатке и роскоши. Был конец весны, семья втроём весело отправилась в путешествие по Цзяннани: изумрудная вода, бамбуковые лодки, душа отдыхала. Это была приятная поездка, но когда Чу Сяннань по собственной воле пошёл купить настойку из ста цветов и вернулся, гостиница, где они остановились, внезапно загорелась. Его родители не выжили.

Чу Сяннань был в горе, но тут его схватили злодеи. Они ударили его молотом, отобрали все ценности, а когда бросили в озеро и уже собирались убить, чтобы замести следы, его спас старший сын семьи Гуань, Гуань Юэ, и отправил домой.

Он хрипло спросил:

— Погибли в огне, да?

Чан Гэ с трудом кивнул.

Чу Сяннань чувствовал, что голова раскалывается. Чан Гэ давно погиб от рук того человека, а сам он был загнан в тупик и заколол себя мечом. Как же он снова проснулся? Если это галлюцинация перед смертью, то всё это слишком реально.

Чу Сяннань осторожно спросил:

— Где я сейчас учусь?

Чан Гэ ответил:

— В Академии Боя. Сяннань, что с тобой? Ты даже это забыл?

Чу Сяннань покачал головой, не отвечая, и медленно выдохнул. Всё сходилось. Неужели он переродился?

Чу Сяннань лежал на мягкой подушке с золотой вышивкой, маленькими глотками пил мягкую рисовую кашу. За это время он задал ещё несколько вопросов, и всё совпадало с миром до смерти. Чу Сяннань смотрел на знакомые предметы вокруг и спокойно принял факт перерождения.

— Они уже похоронены.

Чу Сяннань кивнул. Он знал, что родители смогли похоронить так быстро только благодаря дяде. В прошлой жизни дядя, узнав, что они погибли в огне, без лишних слов забрал тела и похоронил их, а он потом переехал в дом дяди. Но постепенно во взгляде дяди становилось всё больше раздражения. Чу Сяннань понимал, что для него он был обузой, поэтому нашёл момент и переехал.

Переехал... к Гуань Юэ.

Чу Сяннань помешивал кашу белой фарфоровой ложкой, его лицо было мрачным.

Чан Гэ, стоявший рядом, спросил:

— Нам следует выбрать день и пойти поблагодарить?

— Кого?

— Сына семьи Гуань, ведь он спас тебя. И по чувству, и по разуму нужно поблагодарить.

Чу Сяннань приоткрыл веки и сказал:

— Не нужно.

— А? — удивился Чан Гэ.

Чу Сяннань поставил кашу на стол из красного сандала, медленно лёг и закрыл глаза:

— Я сам разберусь, не волнуйся. Чан Гэ, выйди сначала, я хочу отдохнуть немного.

— Хорошо, я выйду. Хорошо отдохни.

Когда дверь закрылась, и в комнате воцарилась тишина, Чу Сяннань открыл глаза. Гуань Юэ спас его, и их отношения становились всё ближе. Когда дядя намекнул, что ему пора съехать,

именно Гуань Юэ щедро принял его. Семья Гуань очень любила Чу Сяннаня, и он переехал к Гуань Юэ.

Но кто знал, какие будут перемены после того дня. В беде его действительно спас Гуань Юэ, и он искренне считал Гуань Юэ близким другом и возлюбленным. Он скривил губы, язвительно усмехнувшись в душе, но именно Гуань Юэ загнал его прошлого шаг за шагом в тупик.

Чу Сяннань свернулся под одеялом, и так как тело ещё не восстановилось, сил не было, он незаметно для себя уснул. Вскоре его разбудили приближающиеся голоса спора, и он смутно открыл глаза.

— Вся наша семья, от мала до велика, рассчитывает на мои деньги, чтобы прокормиться! А теперь, когда хозяин и хозяйка погибли, я думаю, что и с жалованием этого месяца кувырк!

— Позови Чу Сяннаня, нам нужно поговорить начистоту.

— Молодой господин ещё отдыхает, беспокоить неудобно.

— Но нам тоже нужно есть!

— Да, позови молодого господина, пусть разберётся с делами!

Чу Сяннань, лёжа в постели, некоторое время тихо слушал, затем чуть громче произнёс:

— Чан Гэ.

Чан Гэ толкнул дверь и вошёл:

— Молодой господин.

Чу Сяннань сел:

— Пусть подождут в зале, я сам выйду и разберусь.

Чан Гэ согласился.

Слуги семьи Чу стояли в зале, ожидая появления Чу Сяннаня, и шумно обсуждали происходящее.

— Я точно уйду!

— Я тоже не верю, что молодой господин семьи Чу сможет выдать плату, лучше воспользоваться случаем и поискать другую семью.

— Богатый юноша, который ещё учится, сам себя, наверное, прокормить не сможет?

— Что за беда, у семьи Чу хорошее состояние, если он будет экономить, хватит лет на пять.

— Даже если он сам прокормится, нам-то есть нечего!

— Да, нужно уходить!

Чан Гэ стоял у двери комнаты Чу Сяннаня, слушая, как слуги в зале без зазрения совести бросают холодные фразы. Его лицо было мрачным.

Дверь открылась, и Чу Сяннань медленно вышел.

Чан Гэ поспешно подошёл к нему:

— Чу Сяннань, ты обязательно не принимай близко к сердцу эти пустые слова!

Чу Сяннань посмотрел на этого партнёра, который был предан ему в обеих жизнях, и улыбнулся:

— Спокойно, я знаю.

В прошлой жизни было так же. Когда глава семьи Чу погиб в огне, у слуг возникли мысли, и они один за другим потребовали выплатить жалованье и отпустить их. Он тоже переживал и болел, чувствуя предательство, но пережив то, что было потом, и оглянувшись на сейчас, он уже не придавал этому столько значения.

Каждый сам за себя, это он понимал.

Чу Сяннань вошёл в зал, Чан Гэ шёл следом. Увидев, что Чу Сяннань вошёл не спеша, в зале мгновенно воцарилась тишина.

Он остановился перед местом главы семьи, откинул полы одежды и медленно сел. Одной рукой он погладил это кресло из красного сандала, которому более ста лет, не переставая тереть его. Голос его был холодным и прозрачным, как горный источник:

— В чём дело?

Молодой господин семьи Чу был прекрасен внешне. Хотя тело было слабым, а лицом бледным, он всё равно был изящен и красив, словно картина, написанная тушью. Чу Сяннань спокойно сидел там, его мягкие чёрные волосы, подобно лучшему шёлку, рассыпались по плечам. Роскошный халат цвета молочного зуба луны был белее снега на вершине горы. Брови были темными, как краска, длинные ресницы опускались, скрывая чёрные глаза, глубокие, как чёрный агат. Нос был изящным и маленьким, губы мягкими и чуть бледными. Весь он казался холодным и одиноким. Подняв глаза, он медленно, но холодно и остро окинул их взглядом. Его temperament был холодным, как лёд, и это подавило толпу.

Молодые служанки покраснели и совсем не решались открыть рот. Мужчины-слуги не церемонились и перешли сразу к делу.

— Молодой господин, потрудись рассчитать с нами за этот месяц, и судьба нашей связи с семьей Чу на этом закончится.

— Конечно, рассчитаюсь, — кивнул Чу Сяннань. — Есть ещё дела?

Люди переглянулись.

— Вре-временно нет.

Чу Сяннань усмехнулся:

— Из-за такого пустяка вы реально так долго шумели?

Он встал, и белый шёлковый халат естественно спустился вниз. Чу Сяннань сказал Чан Гэ:

— Рассчитай с ними жалованье, проследи, чтобы ни копейки не пропало.

Он слегка остановился и продолжил:

— Но и лишней копейки не давай.

<http://bllate.org/book/16491/1498689>